
ИЗ ПРОШЛОГО ФИЛОСОФИИ

П. А. ГОЛЬБАХ¹

Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1963.

Система природы, или О законах мира физического и мира духовного.

Глава XII (печатается с небольшими сокращениями).

СОВМЕСТИМ ЛИ АТЕИЗМ С ПРАВСТВЕННОСТЬЮ?

Доказав существование атеистов, вернемся к тем оскорблениям, которыми осыпают их богопочитатели. «Атеист, – согласно Аббади, – не может обладать добродетелью; для него добродетель лишь призрак, честность – пустой звук, добросовестность – просто глупость... Его единственный закон – личная выгода; если этот взгляд верен, то совесть является предрассудком, естественный закон – иллюзией, право – заблуждением, доброта лишается всякой основы, общественные связи распадаются, верность пропадает, друг всегда готов предать своего друга, гражданин – изменить своему отечеству, сын – убить своего отца, чтобы воспользоваться наследством, если только к этому представится случай и ему удастся избежать карающего меча правосудия, которого только и следует бояться. Самые нерушимые права и священные законы являются с этой точки зрения только грезами и сновидениями»².

Этому описанию может соответствовать поведение не мыслящего, чувствующего, рассуждающего, разумного существа, а какого-то дикого зверя, безумца, не имеющего ни

---

¹ Выдающийся французский философ XVIII века.

² Abbadié. De la vérité de la religion chrétienne, t. 1, ch. XVIII. (Аббади. Об истинности христианской религии. Т. 1. Гл. XVII).

малейшего представления об естественных отношениях, связывающих между собой существа, необходимые друг другу для их взаимного счастья. Мыслимо ли, чтобы одаренный хоть каплей здравого смысла и способный к наблюдениям человек позволил себе поступать так, как согласно вышеизложенному должен поступать атеист, т. е. человек, достаточно здравомыслящий, чтобы избавиться на основании доводов разума от предрассудков, которые ему постоянно внушались как нечто священное и значительное? Мыслимо ли, говорю я, чтобы в каком-нибудь цивилизованном государстве нашелся столь темный гражданин, который не понял бы своих самых естественных обязанностей, самых насущных интересов, опасностей, которым он подвергается, нарушая покой своих ближних и следуя только голосу своих изменчивых желаний? Ведь самое тупое существо должно понять, что общество выгодно для него, что оно нуждается в помощи других людей, что уважение его ближних необходимо ему для собственного счастья, что гнев окружающих очень опасен для него, что законы угрожают карами любому их нарушителю. Всякий человек, получивший порядочное воспитание, испытывавший в детстве ласки отца, а затем прелести дружбы, воспользовавшийся добрыми делами людей, знающий цену доброты и справедливости, понимающий очарование привязанности наших ближних, опасность их отвращения и презрения к себе, не может не бояться потерять все эти несомненные выгоды и навлечь на себя серьезнейшую опасность своим поведением. Разве стыд, страх, презрение к самому себе не будут тревожить его покоя, когда, углубившись в себя, он станет глядеть на себя чужими глазами? Разве угрызения совести существуют лишь у тех, кто верит в бога? Разве мысль о возможности быть увиденным существом, о котором имеешь лишь самые смутные понятия, сильнее, чем мысль о возможности быть увиденным людьми и самим собой, о вечном страхе и жестокой необходимости ненавидеть себя и краснеть, думая о своем поведении и неизбежно вызываемых им чувствах?

Имея это в виду, мы ответим Аббади, шаг за шагом опровергая его обвинения, что атеист – это человек, знающий природу и ее законы, а также свою собственную природу и налагаемые ею на него обязанности; атеист обладает опытом, а этот опыт на каждом шагу показывает ему, что порок может ему повредить, что его самые сокровенные проступки и самые тайные наклонности могут когда-нибудь обнаружиться; этот опыт показывает ему, что общество полезно для его счастья, что в его собственных интересах любить отечество, которое защищает его и дает ему возможность спокойно наслаждаться благами природы, что он может быть счастливым, лишь заставив себя любить, что отец – его вернейший друг, что неблагодарность уменьшила бы расположение к нему его благодетелей, что правосудие необходимо для охраны всякого общества и ни один человек, как бы он ни был могуществен, не может быть доволен собой, если является предметом общественной ненависти и знает это.

Тот, кто зрело размышлял о самом себе, о своей собственной природе и природе своих ближних, о своих потребностях и средствах удовлетворить их, должен прийти к сознанию своих обязанностей по отношению к самому себе и другим; у него имеются, следовательно, нравственность и реальные побуждения сообразоваться с ней; он не может не понимать, что эти обязанности необходимы; и если слепые страсти и порочные привычки не помешают ему правильно рассуждать, то он поймет, что добродетель является для каждого человека вернейшей дорогой к счастью. Все взгляды атеиста или фаталиста основываются на необходимости, поэтому их моральные теории, покоящиеся на необходимости вещей, во всяком случае более прочны и неизменны, чем умозрения по поводу бога, изменяющиеся в зависимости от настроений и страстей его поклонников. Природа вещей и ее вечные законы не подлежат изменению; атеист всегда вынужден называть пороком и безумием то, что ему вредно, преступлением то, что вредно другим, доброе-

тельно то, что выгодно последним и содействует их длительному счастью.

Итак, мы видим, что принципы атеиста менее шатки, чем принципы фантазера, строящего свою нравственность на вымышленном существе, представление о котором так часто меняется даже у него самого. Если атеист отрицает бытие божье, то он не может отрицать своего собственного бытия, а также бытия окружающих его и подобных ему существ; он не может сомневаться в отношениях, существующих между ними и им, в необходимости обязанностей, вытекающих из этих отношений, а следовательно, и в принципах нравственности, которая является не чем иным, как наукой об отношениях, существующих между живущими в обществе людьми.

Если атеист, довольствуясь бесплодной теорией о своих обязанностях, не применяет ее в своем поведении; если, будучи увлечен своими страстями и преступными привычками или же став жертвой постыдных пороков и игрушкой ненормального темперамента, он забывает свои моральные принципы, то отсюда не следует, что у него вовсе нет принципов или его принципы ложны; отсюда можно только вывести, что, опьяненный своими страстями, с затуманенной головой, он не применяет на практике весьма верных теорий и, следуя сбивающим его с пути наклонностям, забывает вполне надежные принципы.

Действительно, нет ничего более обычного среди людей, чем резкое расхождение между разумом и сердцем, т. е. между темпераментом, страстями, привычками, прихотями, воображением, с одной стороны, и разумом или же рассудком, размышлением – с другой. Нет ничего более редкого, чем гармония этих двух начал, но в этом-то случае теория и влияет на практику. Самые надежные добродетели – те, которые основываются на темпераменте людей. Действительно, разве мы не наблюдаем ежедневно, как люди противоречат сами себе? Разве их рассудок не осуждает постоянно излишеств, на которые их толкают страсти? Одним словом, все показывает нам, что люди, обладающие

прекраснейшей теорией, нередко совершенно не применяют ее на практике и, наоборот, люди, исходящие из самых порочных теорий, часто ведут себя достойнейшим образом. Среди сторонников самых диких, жестоких и нелепых религий мы встречаем добродетельных людей; мягкий характер, чувствительное сердце и кроткий темперамент заставляют их вопреки их безумным теориям поступать гуманно согласно законам их природы. Среди поклонников жестокого, мстительного и ревнивого бога мы встречаем кротких людей, врагов всякого преследования, насилия, жестокости, а среди последователей милосердного и сострадательного бога – чудовищ варварства и бесчеловечности. Однако и те и другие утверждают, что их бог должен служить им образцом. Почему же они не сообразуются с этим образцом? Потому, что темперамент человека всегда сильнее, чем его боги; потому, что даже самые злобные боги не всегда в состоянии испортить добродетельную душу, а самые кроткие боги не могут исправить преступную натуру. Особенности человеческой организации всегда будут сильнее религии; окружающие нас предметы, интересы данного момента, укоренившиеся в нас привычки, общественное мнение имеют больше власти над нами, чем какие-то воображаемые существа или отвлеченные умозрения, сами зависящие от особенностей нашей организации.

Поэтому нужно определить, истинны ли принципы атеиста, а не похвально ли его поведение. Разумеется, атеист, который, обладая превосходной теорией, основывающейся на данных природы, опыта и разума, предается излишествам, опасным для него самого и пагубным для общества, показывает тем самым, что он непоследовательный человек. Но и в этом отношении он не хуже верующего, который, веруя в доброго, справедливого, совершенного бога, тем не менее совершает во имя его ужаснейшие поступки. Тиран-атеист не страшнее тирана-фанатика. Неверующий философ не так опасен, как жрец-фанатик, сеющий раздор между своими согражданами. Обладающий властью атеист отнюдь не опаснее, чем король-гонитель или свирепый ин-

квизитор, верующий меланхолик или мрачный изувер. Последние, конечно, встречаются не реже, чем атеисты, взгляды и пороки которых далеко не в состоянии влиять на общество, преисполненное предрассудков и поэтому неспособное даже выслушать их.

Невоздержанный и сластолюбивый атеист не более страшен, чем суеверный человек, сочетающий со своими религиозными взглядами распущенность и развращенность. Неужели кто-либо серьезно думает, будто атеист или вообще человек, не боящийся мести неба, станет ежедневно напиваться, соблазнит жену своего друга, взломает дверь своего соседа, позволит себе всякого рода излишества, пагубные для него и заслуживающие наказания? В пороках атеиста нет поэтому ничего особенного по сравнению с пороками религиозного человека: в этом отношении они стоят друг друга. Неверующий тиран не хуже для своих подданных, чем тиран верующий: находящиеся под властью последнего народы нисколько не счастливее от того, что управляющий ими тигр верит в бога, осыпает его жрецов подарками и преклоняет перед ними колени. В государстве же, управляемом атеистом, по крайней мере не надо бояться религиозных притеснений, преследований за инакомыслие, гонений или неслыханных насилий, предлогом для которых даже в царствование кротчайших государей являются интересы неба. Если какой-нибудь народ оказывается жертвой страстей и безумств неверующего государя, то он по крайней мере не страдает ни от слепой приверженности последнего к непонятным ему теологическим учениям, ни от его фанатического рвения, самого разрушительного и пагубного из всех страстей государя. Тиранист-атеист, преследующий людей из-за различий во взглядах, был бы человеком, не следующим своим принципам; он только лишний раз подтвердил бы то наблюдение, что люди гораздо чаще следуют своим страстям, интересам, темпераментам, чем своим теориям. Во всяком случае, ясно, что у государя-атеиста меньше предлогов, чем у верующего правителя, дать простор своей природной злобе.

Действительно, если решиться хладнокровно исследовать этот вопрос, то легко убедиться, что имя божье всегда было на земле предлогом для разнуздывания людских страстей. Честолюбие, обман и тирания, объединившись между собой, использовали его, чтобы довести народы до ослепления и поработить их. Государь пользуется им, чтобы придать божественный ореол своей особе, небесную санкцию своим правам, вид повелений свыше своим несправедливейшим и нелепейшим прихотям. Жрец пользуется им, чтобы оправдать свои притязания, безнаказанно удовлетворить свою жадность, гордость и стремление к независимости. Мстительный и раздражительный изувер пользуется им, чтобы дать полный простор своей мести и своей жестокости, своей ярости, которую он называет угодным богу рвением. Одним словом, религия пагубна, так как она узаконивает и оправдывает страсти и преступления, плоды которых пожинает. Согласно утверждению служителей религии, все позволено, когда надо отомстить за всевышнего, и, таким образом, божество существует как будто лишь для того, чтобы оправдывать или прикрывать гибельнейшие злодеяния. Когда атеист совершает преступление, он по крайней мере не может сослаться на своего бога, который якобы приказывает ему и одобряет его поступок; между тем именно ссылкой на божество изувер оправдывает свою злобу, тиран – свои гонения, жрец – свою жестокость и непокорность, фанатик – свои излишества, монах – свою бесполезность.

«Не абстрактные теоретические взгляды, но страсти, – говорит Бейль, – побуждают нас действовать». Атеизм – это такое мировоззрение, которое не делает из добродетельного человека дурного, а из дурного – добродетельного. «Последователи Эпикура, – говорит тот же автор, – не стали развратными оттого, что они усвоили учение Эпикура; наоборот, они усвоили плохо понятое ими учение Эпикура лишь потому, что были развратны³. Точно таким же

---

³ Bayle, *Pensées diverses*, &177. (Бейль. Разные мысли. 177.)

образом испорченный человек может усвоить учение атеизма, воображая себе, что оно дает полный простор его страстям. Но, конечно, он заблуждается: правильно понятый атеизм основывается на требованиях природы и разума, которые в отличие от религии никогда не оправдывают преступлений дурных людей.

Так как нравственность поставили в зависимость от существования и воли бога, из которого сделали образец для людей, то это, несомненно, должно было повлечь за собой весьма отрицательные последствия. Развратные люди, обнаружив всю ложность и сомнительность этих гипотез, дали простор всем своим порокам; решили, что нет никаких реальных оснований делать добро; вообразили, что добродетель, как и боги, простой призрак и нет никаких причин поступать добродетельным образом. Но ведь ясно, что мы должны исполнять нравственные обязанности не потому, что созданы каким-то богом; мы обязаны делать это как люди, как разумные существа, живущие в обществе и стремящиеся обеспечить себе счастливое существование; независимо от того, существует или не существует бог, наши обязанности останутся неизменными; изучая природу человека, мы убедимся, что пороки – зло, а добродетель вполне реальное благо.

Следовательно, если существовали атеисты, отрицавшие различие между добром и злом и дерзавшие посягать на основы всякой морали, то они просто очень плохо рассуждали в этом пункте; они не изучили природы человека и не узнали настоящего источника его обязанностей; они ошибочно предположили, что мораль, как и теология, – фиктивная наука и, раз уничтожены боги, нет ничего, что могло бы связывать между собой людей. Однако даже самое поверхностное размышление убедило бы их в том, что нравственность основывается на неизменных отношениях, существующих между чувствующими, разумными, общественными существами; что никакое общество не может существовать без добродетели; что ни один человек не может уцелеть, не обуздав своих желаний. Люди по своей

природе вынуждены любить добродетель и ненавидеть преступление: здесь действует та же необходимость, которая понуждает их стремиться к счастью и избегать страдания; эта природа заставляет их проводить различие между предметами, которые им нравятся, и предметами, которые им вредны. Пусть найдется безрассудный человек, готовый отрицать различие между пороком и добродетелью; спросите, относится ли он равнодушно к перспективе быть побитым, обокраденным, оклеветанным, опозоренным своей женой и оскорбленным своими детьми, к перспективе испытать предательство со стороны друга и неблагодарность со стороны благодетельствованного им человека. Его ответ покажет вам, что, несмотря на все свои заявления, он проводит различие между поступками людей и что отличие добра от зла совершенно не зависит от соглашения людей, от их представлений о божестве или от перспективы наград и наказаний в загробной жизни.

Наоборот, правильно рассуждающий атеист должен был бы понять, что он более, чем кто-либо другой, заинтересован в практическом осуществлении добродетелей, с которыми связано его счастье на земле. Так как атеист не заглядывает за грань своего теперешнего существования, то он, разумеется, должен желать, чтобы его жизнь текла мирно и счастливо. Всякий человек, способный, отрешившись от страстей, углубиться в самого себя, должен понять, что во имя своих личных интересов и своего собственного счастья ему следует избрать средства, необходимые, чтобы жить мирно, без тревог и угрызений совести. Человек имеет известные обязанности по отношению к другим людям не потому, что оскорбил бы бога, причинив ущерб своему ближнему, но потому, что подобным поступком оскорбил бы человека и нарушил законы справедливости, столь существенно важные для всякого существа человеческого рода.

Мы ежедневно наблюдаем людей, сочетающих с разнообразными талантами, званиями и умом постыдные пороки

и испорченное сердце; их взгляды могут быть истинными в известных отношениях и ложными во многих других; их принципы могут быть правильными, но выводы, которые они из них делают, часто поспешны и ошибочны. Человек может одновременно быть и настолько просвещенным, чтобы избавиться от некоторых из своих заблуждений, и настолько слабым, чтобы не уметь освободиться от своих порочных наклонностей. Люди оказываются такими, какими их делает организация, видоизменяемая привычкой, воспитанием, примером окружающих, формой правления, общественным мнением, более или менее постоянной обстановкой жизни или внезапными обстоятельствами. Их религиозные воззрения и мнимые теории должны уступить их темпераменту, склонностям, интересам или принориться к ним. Если теория атеиста не освобождает его от старых пороков, то она не прививает ему новых; религиозное же суеверие доставляет своим поклонникам тысячи предлогов совершать зло без всяких угрызений совести и даже с известным самоудовлетворением. Атеизм по крайней мере оставляет людей такими, каковы они есть; он не толкает на путь неумеренности человека, по своему темпераменту не склонного к излишествах разврата, неводержанности, жестокости и честолюбия; религиозное же изуверство разнуздывает самые ужасные страсти и доставляет возможность легкого искупления самых постыдных пороков. «Атеизм, – говорит канцлер Бэкон, – оставляет у человека нетронутыми разум, философию, природное благочестие, законы, репутацию и все, что может служить добродетели; религиозное же суеверие уничтожает все эти вещи, подчиняя мысль людей своей тирании; вот почему атеизм никогда не сеет смуты в государстве и делает людей более предусмотрительными и заботящимися о самих себе: ведь он не указывает ничего за пределами этой жизни». Тот же автор прибавляет, что «времена, когда люди склонялись к атеизму, были эпохами величайшего спокойствия; религиозное же изуверство всегда возбуждало умы и толкало их

на путь величайших беспорядков, так как оно опьяняло новшествами народ, захватывающий в свои руки все области управления»⁴.

Привыкшие к размышлению и ищущие радости в научных исследованиях люди обыкновенно не являются опасными гражданами: каковы бы ни были их умозрения, они не способны производить внезапных революций. Мысль народов, склонных к чудесному и фантастическому, упорно сопротивляется наиболее простым истинам и совершенно не поддается теориям, требующим длинной цепи размышлений и рассуждений. Теория атеизма может быть лишь плодом продолжительных исследований и воображения, охлажденного опытом и размышлением. Мирный Эпикур не нарушил покоя Греции. Поэма Лукреция не вызвала гражданских войн в Риме. Боден не был виновником войн Лиги. Сочинения Спинозы не возбудили в Голландии тех же беспорядков, что споры Гомара и Арминия; Гоббс не вызвал своими сочинениями кровопролития в Англии, где во время его жизни король погиб на эшафоте, став жертвой религиозного фанатизма.

Одним словом, пусть враги человеческого рода приведут хоть один пример, который бесспорным образом доказал бы, что чисто философские воззрения или противные религии взгляды когда-нибудь вызвали в каком-нибудь государстве волнения. Беспорядки всегда происходили от теологических учений, так как государи и народы в каком-то безумии всегда воображали, что должны принимать в них участие. Опасна лишь та мнимая философия, которую теологи сочетали со своими учениями. Вот эта-то испорченная жрецами философия и раздула пламя раздоров, толкнула народы на путь мятежей, заставила литься потоки крови. Нет такого теологического вопроса, который не причинил бы величайших бед человечеству; между тем все сочинения как древних, так и новых атеистов причиняли

---

⁴ См.: Бэкон. Моральные опыты. Любопытно, что это место пропущено во французском переводе данного трактата!

несчастье одним лишь их авторам, часто оказывавшимся жертвами всемогущего религиозного обмана.

Принципы атеизма не годятся для народа, обыкновенно находящегося под опекой жрецов; они не годятся для легкомысленных и живущих рассеянной жизнью людей, наполняющих общество своими пороками и своей бесполезностью; они не годятся для честолюбцев, интриганов, нарушителей спокойствия, любящих ловить рыбу в мутной воде; они не годятся даже для множества просвещенных людей, редко обладающих мужеством окончательно порвать с предрассудками.

Люди связаны с заблуждениями, которые они впитали с молоком матери, столь многочисленными нитями, что каждый шаг, отрывающий их от этих заблуждений, стоит им бесконечных мук. Даже просвещеннейшие люди часто в каком-нибудь отношении зависят от общепринятых предрассудков. Нелегко чувствовать себя изолированным и в одиночестве придерживаться своих убеждений, отказавшись от языка всего общества; необходимо мужество, чтобы присоединиться к точке зрения, разделяемой лишь немногими лицами. В странах, где прогресс науки сравнительно значителен и где существует известная свобода мысли, легко можно найти множество деистов или нерелигиозных людей, которые, отбросив грубейшие предрассудки толпы, не осмеливаются, однако, добраться до самого их источника и подвергнуть само божество очной ставке с разумом. Не остановись эти мыслители на полпути, они вскоре поняли бы, что бог, исследовать которого у них не хватает мужества, столь же вредное и недопустимое с точки зрения здравого смысла существо, как и все те догматы, таинства, басни и суеверные обряды, нелепость которых уже признана ими; они поняли бы, что, как мы уже показали, все эти вещи являются необходимым следствием первоначальных представлений людей о божественном призраке и что, раз допущено существование такого призрака, нет оснований отбросить выводы, извлекаемые из этого воображением. Малейшее размышление показало бы

им, что именно этот призрак является истинной причиной общественных бедствий; что нескончаемые распри и кровавые споры, порождаемые религией и духом партийности, являются неизбежным результатом того значения, которое придают этим призракам, всегда способным зажечь умы. Одним словом, легко убедиться, что воображаемое существо, которое всегда рисуют столь страшными красками, должно сильно действовать на воображение и рано или поздно вызвать споры, фанатизм, безумие.

Многие люди соглашаются с тем, что крайности, порождаемые религиозным суеверием, представляют собой весьма реальное зло; многие лица жалуются на злоупотребления религией; но лишь весьма немногие понимают, что эти злоупотребления и это зло являются необходимыми следствиями основных принципов всякой религии, которая сама может основываться лишь на подобных несуразных представлениях о божестве. Ежедневно можно встретить людей, разочаровавшихся в религии, но тем не менее утверждающих, что эта религия *необходима для народа*, который без нее невозможно обуздать. Но разве такое рассуждение не равносильно утверждению, что для народа полезен яд и будто отравлять его, чтобы помешать ему злоупотреблять своими силами, значит совершать хорошее дело? Не значит ли это утверждать, будто полезно прививать народу нелепые, бессмысленные, странные взгляды; будто нужны призраки, чтобы ввести народ в заблуждение, ослепить и подчинить его фанатикам или обманщикам, которые воспользуются его безумием и вызовут повсюду беспорядки? Кроме того, разве религия и в самом деле благотворным образом влияет на нравы народов? Легко заметить, что она поработщает их, нисколько не делая их лучшими; она превращает их в стадо невежественных рабов, из панического страха подчиняющихся игу тиранов и жрецов; она делает из них каких-то тупых существ, не знающих иной добродетели, кроме слепого подчинения нелепым обрядам, которым они придают больше значения, чем реальным добродетелям и моральным обязанностям, оста-

ющимся им совершенно неизвестными. Если эта религия случайно сдерживает нескольких робких людей, то она не способна сдержать большинство, увлекаемое свирепствующими подобно эпидемии пороками. Именно в странах, где особенно сильно религиозное суеверие, слабее всего влияние нравственности. Добродетель не совместима с невежеством, суеверием, рабством; рабов можно удержать лишь страхом наказания; невежественных детей можно лишь на короткий срок напугать ложными страхами. Чтобы воспитать людей и получить добродетельных граждан, надо просветить их, показать им истину, объясниться с ними языком разума, дать им понять их интересы, научить их уважать самих себя и бояться стыда, вызвать в них представление об истинной чести, разъяснить им цену добродетели и побуждения, заставляющие ее придерживаться. Можно ли ожидать этих благоприятных результатов от религии, которая унижает людей, или от тирании, которая ставит себе целью смирать, разделять и удерживать их в порабощении?

Ложная мысль о пользе религии, которая, по мнению многих лиц, способна по крайней мере обуздать народ, происходит от пагубного предрассудка, будто существуют *полезные заблуждения* и истина может быть опасной. Убеждение в этом может сделать вечными несчастья человечества. Тот, у кого хватит мужества беспристрастно рассмотреть положение вещей, без труда увидит, что все бедствия человечества зависят от его заблуждений и что религиозные заблуждения должны быть особенно пагубны из-за приписываемого им значения, внушаемого ими государям высокомерия, порождаемого ими у подданных холопства, вызываемого ими у народов безумия. Он должен будет признать, что интересы людей требуют полнейшего разрушения именно религиозных заблуждений и что здравая философия должна посвятить себя главным образом их уничтожению. Нечего опасаться, что это вызовет волнения или революции: чем откровеннее будет возвещать о себе истина, тем более странной она покажется; чем проще она

будет, тем меньше она пленит людей с их страстью к чудесному; стремление примирить заблуждение с истиной непреодолимо даже у тех, кто ищет ее с величайшим рвением.

Без сомнения, вот почему атеизм, принципы которого до сих пор не были изложены надлежащим образом, пугает даже самых свободных от предрассудков людей. Расстояние между ходячим суеверием и полным безверием для них слишком велико; вступая в компромисс с заблуждением, они думают, что выбирают золотую середину; они допускают принцип, но отвергают выводы из него; они сохраняют небесный призрак, забывая, что рано или поздно он приведет к тем же самым результатам и породит мало-помалу те же самые безумства в головах людей. Большинство нерелигиозных людей и реформаторов только обрубают сучья у ядовитого дерева, вместо того чтобы совсем срубить его; они не понимают, что это дерево принесет потом те же самые плоды. Теология, религия всегда будут своего рода скоплениями горючего материала: работа воображения должна под конец вызвать пожары. До тех пор пока жреческому сословию будет дано право отравлять душу молодежи, приучать ее трепетать перед пустыми словами, пугать народы именем грозного бога, фанатизм будет царить над умами, обману нетрудно будет разжигать смуты в государствах; самый обычный призрак, вскормленный и видоизмененный все преувеличивающим человеческим воображением, мало-помалу станет могучим колоссом, губящим всех людей и низвергающим государства. Деизм – это мировоззрение, на котором человеческая мысль не сможет долго задержаться: построенный на иллюзии, он рано или поздно выродится в нелепое и пагубное суеверие.

Можно встретить множество нерелигиозных людей и деистов в странах, где существует свобода мысли, т. е. где светская власть уравновешивает власть духовную. Но зато можно встретить много атеистов в странах, где религиозное суеверие, поддерживаемое светской властью, дает чувствовать тяжесть своего ига и бесстыдно злоупотребляет своей

неограниченной властью. Действительно, если наука, философия, мысль не совсем задушены в этих странах, то большинство мыслящих людей, возмущенных злоупотреблениями религии, ее бесчисленными безумствами, развратом, тираническим поведением ее жрецов и цепями, которые она налагает, начинает резонно думать, что чем дальше от нее и ее принципов, тем лучше; бог, на котором основывается подобная религия, становится для них столь же ненавистным, как и она сама; угнетение, исходящее от религии, переносится ими на самого бога; они понимают, что жрецами грозного, ревнивого, мстительного бога могут быть лишь такие же служители; в результате этот бог становится предметом ненависти всех просвещенных и добродетельных людей, исполненных жажды справедливости, свободы, гуманности и пылающих ненавистью к тирании. Угнетение вызывает протест в сердцах людей; оно заставляет их внимательно изучать причину их бедствий: несчастье – могучий стимул, направляющий мысль к истине. Как опасен должен быть для лжи разгневанный разум! Он срывает с нее маску; он преследует ее в последнем убежище; он торжествует – хотя бы скрытым образом – при виде ее растерянности.